

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

XXI И XIX ВЕКОВ

1.

СКОЛЬКО РАЗ я слышал: Япония уже вступила в XXI век, это страна, опередившая весь прочий мир на десятилетия. Так что, зная об этом по книгам, статьям, телепередачам В. Цветова, думал, что ни техническому прогрессу, ни электронной цивилизации не удивлюсь.

И все же, сколько ни читай, когда садишься в Токио в сверхскоростной поезд, даже внешне напоминающий то ли реактивный самолет, то ли ракету, и по стрелке часов следишь, как каждые 15—20 секунд отщелкивает километр...

И все же, когда видишь на трассах дорог глушители шумов...

Когда въезжаешь на мост через Покогамский залив, как бы соединяющий не берега, а море и небо...

Тогда только кожей, сознанием и подсознанием ощущаешь технический гений человека.

А впрочем, человеком здесь можно гордиться скорее не за то, что он воздвиг уникальные дома-башни, создал даже не индустриальную, а постиндустриальную цивилизацию, а потому, что этот самый человек во имя прогресса не лишил себя естественной радости.

Того же океана, который не превращен в клоаку, зелени деревьев и парков, традиционного и современного искусства (а они присутствуют не только в жилых домах, в отелях и офисах, но и в самом городе, одухотворяя его).

И, наконец, человек сумел доказать, что об уровне цивилизации нужно судить еще и по такому параметру, как... чистота.

В Покогаме, где живет и работает трехмиллионное население, настолько чисто, что перестаешь понимать: как здесь поступают со всеми отходами — ведь это крупнейший порт, крупнейший промышленный центр, в конце концов, двери в Японию для тысяч туристов.

Постепенно начинаешь ощущать, что твои книжные представления об японцах, как о людях трудолюбивых и деятельных, восприимчивых и эстетически тонких, все же не дают тебе ответ: что же произошло в этой стране, почему рынок в XXI век оказался здесь столь «мягким»?

Не знаю, как кто, но для себя я попытался решить эту проблему так — здесь люди остались в традиционной культуре, они как бы не разрушили живой связи с... XIX веком, его идеалом человека и человечности.

Потом (от разных людей, неоднократно) я слышал о том, как много возможностей дала японцам осознать себя личностью, понять законы нравственности русская литература XIX века. Толстой и Достоевский. И мне даже показалось — пусть не

прозвучит это кощунственно, — что и сегодня для японской интеллигенции они остаются учителями жизни, к сожалению, много более значимыми, чем для интеллигенции в нашей стране.

Что англо-американская, южно-американская литература как-то не очень проникла здесь в души людей. А наряду с японской классической поэзией, классической гравюрой, живут этически максимумы два русских гиганта.

И третий писатель — наш великий современник — Александр Солженицын, воспринимаемый сквозь «Матренин двор», «Раковый корпус», «Архипелаг ГУЛАГ», не как историк эпохи, а как проповедник морали, чистоты, нравственности.

2.

И ВСЕ ЖЕ НАЧНУ с начала. Даже не с того часа, когда ИЛ, наконец-то, преодолел в один прыжок чуть ли не всю нашу страну, летел над японскими островами, и мы, вглядываясь в иллюминаторы, видели, как плотно населена, как буквально до клочка ухожена земля.

Нет, для нас начало наступило в 1990 году, когда в Одессе мы принимали не только многомерную выставку современного японского искусства из города Покогамы, но и большую делегацию художников, пожалуй, впервые такую представительную за 25 лет побратимства.

Тогда я писал о выставке японских мастеров, писал, конечно же, доброжелательно, но, как теперь понимаю, ошибаясь в главном послыле. Для нас — по книгам — искусство Японии это Хокусай и Хиросиге, Утамаро и Хиросаде. И меня удивляло, что в основной массе представленные художники не развивали эти традиции, а предпочли ему наследие европейского XX века. Лишь в Покогаме мы поняли, насколько тонко умеют японцы осваивать мировую культуру (рука не поднимается написать — чужую культуру), осмысливать, прочувствовать и уже воспринимать в контексте своей, национальной традиции. Открывшись миру, они отказались и от идеи... «консервировать» искусство, предпочитая этому живое творчество.

В Покогаму из Одессы была привезена не просто большая, а значительная коллекция работ. Настолько значительная, что, право же, ее имело бы смысл в таком виде показать одесситам. И, кстати, подобная ситуация складывается второй раз: несколько лет назад в Марселе была показана выставка «Образ Одессы», в этот раз в Покогаме «Слава и современность Одессы», но масштабы этих выставок не соразмерны нашим маленьким выставочным залам.

3.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНО, за несколько дней до остальных, прилетели в Покогаму живописец Орест Слешинский и заведующая фондами Одесского художественного музея Людмила Еремина, чтобы сделать экспозицию, разместить в выставочных залах Культурного центра Покогамы работы южнорусской школы из фондов музея, современную живопись, скульптуру, графику одесских художников. К открытию выставки для участия в конференции и в дискуссии приехали остальные члены делегации: еще трое художников — скульптор Александр Князик, график и театральный художник Николай Вылкуп, живописец Адольф Лоза, искусствовед, заведующая отделом востока Музея западного и восточного искусства Елена Шелестова, заместитель председателя горисполкома Валентин Мельник и автор этой статьи.

Сразу же скажу, что выставочные залы, сама техника экспонирования картин, методы подсветки, легкость развешивания — тоже на уровне XXI века. А когда позднее мы побывали в Музее современного искусства Покогамы, увидели его архитектурное решение (это ведь тоже произведение современного искусства), свободные пространства, великолепную экспозицию, в которую включены закупленные для города муниципалитетом шедевры европейской живописи XIX—XX веков: от Сезанна и Брака до Миро и Дали, то с «белой завистью» вспомнили, что в Одессе нет еще ни музея современного искусства, ни достойных выставочных залов.

Тут же замечу, что произведения искусства в городе хранятся не только в музейных залах. От Культурного центра начинается в Покогаме бульвар со множеством фонтанов, искусственных водопадов. Так вот, вдоль этого бульвара на протяжении километра выставлены в зелени деревья «Медитация» Огюста Родена, «Три объема» Генри Мура, «Музыкант» Осипа Цадкина...

Надо ли объяснять, что на этот бульвар приходят люди отдохнуть, соприкоснуться с природой и искусством, что все там в идеальном порядке — и не потому, что используется супермусорубирающая техника, а потому, что не сорят. Так воспитаны.

Мгновенные наблюдения. Бежит по бульвару молодой человек — в костюме, в галстук, дипломат в руке. Остановился. Сел на скамью у водопада. Поставил что-то на часах-будильник. И не встал, а расслабился, медитирует. Прошло пять минут. И вновь собранный, резвый, он уже энергично шагнул по улице.

(Окончание на 4-й стр.).

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ XXI И XIX ВЕКОВ

(Окончание.)

Начало на 3-й стр.)

А вот несколько молодых людей сидят на траве и распивают пиво. С шипением открываются банки, пиво выпивается, а железная тара складывается в целлофановый мешочек.

Какой-то малец — лет шести — запустил игрушку в фонтан. Взрослые ему не делают замечания. Идут и достают игрушку. Такой вот урок для него.

И все это вместе — парк,

дам художников, искусствоведов Покогамы, что с этих секунд их добротой, их вниманием мы уже были обеспечены до последней секунды — до прощания в аэропорту Токио. С нами ездили в удивительный Санкюен-парк, с нами ходили в традиционные рыбные и мясные ресторанчики, водили в Китайский город, возили в крупнейший храм, выводили на ночную токийскую Гиндзу.

6.

И ВЕЗДЕ БЫЛИ неопределенные, а бы сказал, неза-

бу Такахидэ, и вице-мэр Поко Егучи. Разговор шел об участии Покогамы в симпозиуме скульпторов, в пленэре живописцев в Одессе, о возможности обменов и работе друг у друга в мастерских, о желании японских художников купить дом творчества (дачу) для работы в Одессе... Но были еще переговоры, связанные с образованием, с гуманитарной помощью,

8.

В ОДЕССЕ ЯПОНСКИХ художников принимали жи-

клеимся в Москве диссидентом (сколько стихов, рассказов посвятили ему Б. Ахмадулина, В. Окунджава, Б. Слуцкий, Е. Евтушенко, Ю. Нагибин). Я был знаком тогда с этим художником и скульптором в Москве, с тех пор храню его работы. А он, оказывается, был вынужден покинуть родину, жил и работал в Покогаме, в одном из парков стоил его скульптура. А как только началась перестройка, вернулся в Москву. Он умер год два назад. И остался связующей нитью в искусстве России и Японии, как В. Бубнова, к примеру, книгу о творчестве которой перевела на японский и подготовила в Токио одна из наших переводчиц.

И еще о кингах. Дочь скульптора Н. Иноуэ, художница, подарила мне книгу, составленную ее мужем, писателем. Это факсимильное издание советских детских книг Маршана, Хармса, Асеева, Донченко — памятник советскому художественному и полиграфическому искусству 20—30-х годов.

А потом нас ждал живописец, исповедующий европейскую манеру. Тая Ямамото. Вроде бы очень много общего с европейским Салоном, но иная точка отсчета — человек в мире природы, одиночество как философия жизни, недосказанность, загадочность.

В каждой мастерской — не просто осмотр работ. Еще и беседа о живописи, о жизни. Тот контакт, который и может возникнуть лишь в соприкосновении с искусством.

9.

МЫ УЗНАЛИ, что этот день должен завершиться в доме у человека, который очень активно вел себя на дискуссии, проявлял и эрудицию, и доброжелательность. Позднее мы выяснили, что это врач-психиатр директор больницы, председатель Покогамского общества любителей искусства господин Масахару Кумада. Но не могли предположить, что едем не в дом, а в подлинный музей. Даже трудно себе представить, какую на стенах мы увидели живопись: Угрияло и Владимирна, Руо и Дюфи, скульптура Бурдела, графику Мари Лорансон. И это во французском зале, а был еще китайский и японский. А стол, кухня были русские — и это был сюрприз для нас от госпожи Кумада. И в гости в этот щедроприимный дом пришли почти все, кто опекал нас шесть суток — и художница Фукусима, учившаяся в Париже у самого Цадкина, и каллиграф Фунамото, и художественный критик Ягю, Пели русский и украинские песни (оказалось, что Людмила Еремкина и Орест Слешинский с честью могут выдержать и этот экзамен). Пели японские песни, здесь виртуозом-артистом был каллиграф Хооун Фунамото.

А на видеомagneтофоне шел старый советский фильм «Сказание о земле Сибирской» — один из любимых фильмов хозяйки, который, оказалось, еще и снимается в кино...

10.

УТРОМ из Покогамы мы уезжали в Токио. И вновь десятичасовый беспосадочный перелет в Москву. Но в Покогаме работает выставка. Ее ежедневно посещают десятки людей, это знают концы Одессы — Покогамы продолжают.

О многом еще можно было рассказать. О детских игрушках, от которых не могут оторвать взгляд взрослые. О содружестве буддийской и синтаистской религий. О электронике, настолько вошедшей в быт, что она стала кухонной, гостиничной. О полуженщи и женщины в японском обществе... Но ведь мы были в Японии всего шесть суток. Нельзя даже предположить, что мы разгадали загадки этой страны. Но к одному выводу я пришел сам: это перекресток Запада и Востока, это перекресток XXI и XIX веков, где в результате таких встреч и родилась уникальная, ни на какую другую не похожая цивилизация.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.
Фото и рисунки Николая ВЯЛКУНА.

скульптура, отношение к жизни, к природе — урок для нас.

4.

НО ВЕРНЕМСЯ на выставку одесских художников. Даже трудно объяснить, сколько сил, энергии, заботы отдала ее организации искусствовед Фуэдо Ягю, председатель Центра просвещения и культуры Хитоси Нисимура, президент Иохихара Сагами академии Юю Нохихара, председатель департамента муниципалитета по культуре Тосими Такахаса и многие, многие другие. Степень заботливости этих людей — о нас, представителях города-побратима была поразительной. Они не знали усталости, не признавали слова «невозможно». Если нужно было, чтобы каталог вышел ко дню открытия выставки, чтобы вовремя появились плакаты, пригластельные билеты, чтобы из Токио приехали переводчики, чтобы всегда был под рукой автомобиль, — все это было. И при этом без надмыва самоотдачи, без подчеркнутой истовости, а потому, что иначе они жить и работать не умеют.

Я уже больше ощущаю себя советским человеком, чем японкой, — шутила, разговаривая со мной, переводчица Есико Огава, — ведь пятнадцать лет назад я вышла замуж за советского инженера и вот уже тринадцать лет живу в Белоруссии, приезжая в Токио достаточно редко. Так вот, конечно же, в этой самоотдаче есть и воспитанность японцев, и выработанная за столетие «технология поведения», и... настоящая искренность. Они полностью вовлечены, им было интересно с вами в Одессе, а поэтому они делают все, чтобы вы ощутили себя как можно более естественно в Японии. И душевность японцев — национальная черта. Да, вы правы — они, при всей индустриализации, — люди XIX века, сентиментальные, не потерявшие идеалов.

5.

НА ОТКРЫТИЕ выставки пришли не только вице-мэр Покогамы, не только члены муниципалитета, но и несколько сот художников, любителей искусства. А погода к этому дню испортилась. К островам подошел тайфун «№ 17», и мы познали, и что такое ливень и ветер, и как ведет себя стихия. Но японцам это не мешало. Они оставались у входа в Центр свои одноразовые зонты и шли на выставку. На наших докладах о развитии искусства в Одессе, а по сути в СССР, на Украине, был переполнен зал, а дискуссия шла настолько бурно, что жаль было, что не проводим мы подобные же разговоры у себя дома.

Во-первых, японцы хорошо знают и нашу историю, и сегодняшнюю жизнь. Они следили за путчем, сейчас с интересом выискивают, что происходит на Украине. Во-вторых, японцы знают классическое русское искусство и с интересом стесались к работе одесских мастеров. И в-третьих, они были поражены, и притом неоднократно говорили нам об этом, что споры шли не только между японской и советской стороной, а чаще между нами, так как по многим проблемам у нас были диаметрально противоположные точки зрения.

Поверьте, мы не придумывали такой рисунки поведения. Но — оказалось — естественность и раскованность настолько расположили к

планированные мгновения, которые выше, важнее любых предусмотренных. Вот, к примеру, ставший парк Покогамы — бамбуковая роща, пруды, в которых плавают невероятной расцветки рыбы, старинный японский дом, куда, сняв обувь, мы входим, как в святилище...

Но вот в парке мы замечаем старого японца, который пришел с фотоаппаратом, став на колени, сфотографировать крошечный полевой цветок. Такого цветка — не живого, не засушенного, а сфотографированного — нет в его коллекции.

А в ресторане повара вышли, чтобы показать нам свое искусство. И вот за тем

же столом, что мы едим, говорят у нас на глазах креветок, крабов, грибы и еще что-то такое, что не имеет аналогичных слов, понятий в нашем языке.

Кстати, в этот ресторан в самую современную гостиницу Покогамы повез нас художник Масару Мацумото. И показал холл, в котором, думаю, можно снять только кино — научно-фантастические фильмы: на высоту в 15—20 этажей бьют искусственные водопады и фонтаны, а за ними в стеклянных лифтах опускаются, поднимаются, как цветные рыбы в прудах, кильцы этого суперотеля.

В Токио мы лишь подошли к театру Кабуки. Программа была столь насыщенной, что побить в театр не удалось. Но то, как органично вписался старый особняк театра в суперсовременную панораму города, важно было увидеть и понять. И вообще Гиндза — главная улица Токио — после дождя, ночью, произвела фантастическое впечатление. Это не просто море огня, это огонь, вождающий архитектурные формы, создающий образ современного города.

Среди нас были люди, побывавшие в Париже на Елисейских полях, в Нью-Йорке на Бродвее — но, как они утверждали, такого светового потока, такого уровня гармонии им не приходилось видеть.

7.

ПРЕДВИЖУ ВОПРОСЫ: а недостатки, а контрасты? Нет, не видели мы мафию, не слышали выстрелов, не ощущали опасности, гуляя по ночному городу. И пьяных видели крайне мало — пять-шесть человек за 6 суток. А наркоманов и вовсе не заметили. Наверно, где-то они есть. Но мы их не видели. И полиции чрезвычайис мало. Вот в Шереметьево, приземлившись, сразу узрели чуть ли не роту пограничников. А в Токио, Покогаме не видели. Может, они так подготовились к приезду делегации из Одессы?

Вели серьезные, деловые переговоры. Принимали делегацию, хоть в эти дни шла у них сессия муниципалитета, — и мэр города г-н Хиндэно-

вописцы, графики, скульпторы в своих мастерских. Эта традиция была продолжена в Покогаме. В последний день — буквально с 8 утра до 22 вечера — поездки в мастерские. Это было знакомство с «кухней» художников, с их образом жизни, творчеством.

График Касю Баба артистичен, весел, радужен. Он как бы создает свой театр, где сам актер, режиссер, художник. И в этом театре всегда много зрителей, так как его искусство понятно всем, ярко, приподнято. Он был в Одессе — и по впечатлению создал лист «Приморский бульвар», своей самобытностью, шутливостью, заставивший меня вспомнить холсты Люсьена Дульфана.

А потом тайфайши живописец, поэт живописец Масару Мацумото. Живопись на бумаге, на шелке. Цветы, птицы. Всею этому сотни лет. Но, как не стареют стихи, так не стареет душа, так молодое искусство мастера. У него дома и в мастерской не было ни одной работы, чтобы показать нам свои произведения, он... одолжил их у коллекционера.

Поблизости Иноуэ возглавляет ассоциацию скульпторов Покогамы. Мещные торсы женщины, напоминающие скульптуры Майола, но это японские модели и японский взгляд на красоту. А в доме еще и удивительные собрания восточной антики — Китай, Япония.

А рядом в коллекции — скульптура, графика Юрия Васильева, одного из тех, кто в шестидесятых был за-